

Юй Сингэ никогда не питал особой слабости к табаку и алкоголю. В его личном реестре эти вещи числились в категории вредных веществ, а потому зависимости не вызывали.

Просто сейчас мысли путались, подёрнутые лёгкой дымкой. Сингэ вскинул глаза на темнеющие напротив очертания гор и сделал над собой усилие, чтобы веки не сомкнулись сами собой.

Всё из-за Чарльза. Вернувшись, он обязательно подменит всю воду в стакане этого прохвоста на чистейший алкоголь.

Иссиня-чёрные силуэты далёких гор перекликались с тёплым сиянием, струящимся из окон ресторана. Вдалеке дрожащие блики на воде отражали бездонный купол ночи, а снизу долетали неясные отзвуки чужого праздника — кто-то отмечал начало учебного года у ребёнка.

Юй Сингэ и впрямь чувствовал, что теряет связь с реальностью. Даже их тихое, размеренное дыхание в какой-то момент сбилось с ритма, сливаясь в нестройный гул.

Носком кроссовка он случайно задел чью-то пивную крышку. Она беззвучно скользнула сквозь перила второго этажа и канула в густую траву. Алкоголь ли развязал узлы памяти, или утренний вопрос куратора не давал покоя, но на Сингэ внезапно нахлынули воспоминания.

Всегда весёлый и беззаботный с виду, юноша повернулся к Чэн Цзие. Последние слоги его вопроса утонули в полумраке:

— Ты когда-нибудь думал о том, что однажды мы распадёмся?

Чэн Цзие взглянул на него в ответ. Он тоже опирался на перила, но его привычной расслабленности как не бывало.

— С чего вдруг такие мысли?

«Потому что в оригинале так всё и закончилось», — подумал Юй Сингэ.

Впрочем, почему распадаются группы? Если отбросить частности, всё сводится к одному короткому слову — неудача. Во всех её проявлениях.

Его собственная жизнь во многом походила на судьбу книжного гитариста. Юй Сингэ берёт в сердце ту же слепую, яростную любовь к музыке, но теперь он не мог позволить себе потерять сразу две вещи. Музыку и Чэн Цзие.

Тёмные, глубокие глаза вокалиста обычно не выдавали его мыслей. Не дождавшись ответа, Чэн

Цзие пригляделся к замолчавшему юноше.

Лицо Сингэ, с его резкими, мужественными очертаниями, подёрнулось грустью, которую он и сам не осознавал. Тусклый свет из приоткрытой двери мягко очерчивал его профиль, а прикрытые веками ореховые глаза казались совсем темными, затаившими какую-то тайну.

Что-то дрогнуло внутри Чэн Цзие, однако голос его прозвучал ровно и уверенно:

— Этого не случится.

Прежде он всегда видел в Юй Сингэ чистое, безоблачное солнце. Было странно и даже непривычно осознавать, что в этой светлой душе тоже водятся свои тревоги.

Голос Чэн Цзие долетал до Юй Сингэ словно сквозь слой ваты — то приближаясь, то уплывая вдаль. Подавшись ближе, он едва слышно прошептал:

— Верю тебе.

Хотя, казалось бы, в этой вере не было особого практического смысла.

Юй Сингэ улыбнулся, сощулив глаза. Сквозь непослушные кудрявые пряди сверкнул теплый ореховый взгляд, напомнив Чэн Цзие золотистую обертку дорогой ириски, мерцающую в звездном свете.

Чэн Цзие заворуженно смотрел на него. Взгляд помимо воли скользнул ниже, к губам. Этот мягкий, манящий изгиб завораживал. Чэн Цзие прекрасно отдавал себе отчет в том, куда смотрит, но отвести глаза уже не хватало сил.

«Их, должно быть, безумно приятно целовать. Самое мягкое место на человеческом теле. Целовать... или кусать».

Чэн Цзие замер, борясь с искушением. Рука дрогнула, но он так и не прикоснулся к юноше, не понимая, стоит ли сделать шаг навстречу или благоразумно отступить.

Но спешка могла всё испортить. Нужно действовать осторожно. Чэн Цзие всегда отличался поразительным терпением, в чем бы оно ни выражалось.

Писал ли он музыку, любил ли — его душа напоминала глубокую, неторопливую реку. Четко зная, куда держит путь, этот поток упрямо огибал любые препятствия, и питающие его источники не знали засухи.

Рано или поздно всё, чего он желал, становилось его собственностью. А значит, можно позволить себе проявить ещё немного выдержки.

Юй Сингэ не замечал этой пристальной слежки. Хмель всё ещё шумел в голове — шутка ли, Чарльз подсунил ему какую-то невероятно коварную смесь, которая свалила с ног даже его, привычного к крепким напиткам.

Он заворожённо разглядывал Чэн Цзие, совершенно не замечая, куда устремлён ответный взор. Заметив лишь, что пряди у виска вокалиста слегка растрепались, он протянул руку и нежно зачесал их назад, а затем, поддавшись какому-то минутному порыву, ласково коснулся его щеки. Кожа оказалась на удивление приятной и тёплой, так что Юй Сингэ не удержался и погладил его снова.

Чэн Цзие даже не попытался его остановить. Он замер, затаив дыхание, чувствуя, как от этого мимолётного прикосновения внутри всё сладко сжимается.

«До чего же он неосторожен», — промелькнуло в мыслях.

Но следом поднялся другой, более важный вопрос: что именно руководит этим парнем в подобные минуты?

Опустив руку, Юй Сингэ негромко пробормотал:

— Гэ, тебе больше идёт, когда всё аккуратно.

Его тон был забавно серьёзным, а привычная скороговорка сменилась сонной, тягучей манерой растягивать слова, из-за чего эта простая фраза прозвучала интимно и многозначительно.

Чэн Цзие опустил взгляд на его пальцы — Юй Сингэ уже увлечённо расправлял воротник его куртки. Добившись идеального, по его мнению, вида, парень наконец ослабил хватку и пьяно улыбнулся. Мысли его путались и скакали с одной на другую:

— Ты что, ел конфеты?

Чэн Цзие отрицательно покачал головой.

Юй Сингэ недовольно нахмурился. Желая во что бы то ни стало докопаться до истины, он бесцеремонно ухватил только что расправленный воротник и притянул Чэн Цзие к себе. Расстояние между ними сократилось до предела. Склонив голову, Сингэ принялся, а затем заглянул вокалисту в глаза своим удивительно чистым, ясным взглядом:

— Сладким пахнет.

На мгновение оба застыли — и заторможенный алкоголем Юй Сингэ, и не сводящий с него глаз Чэн Цзие. Затем Сингэ разжал пальцы и весело, открыто рассмеялся, словно решив сложнейшую задачу:

— А-а, это виноградное вино!

В груди Чэн Цзие заворочалось странное, щемящее чувство. Он безуспешно пытался разглядеть в выражении лица юноши хоть каплю осознанности. Из темноты доносился горьковатый аромат молодой летней листвы, а улыбка Юй Сингэ в колеблющемся свете казалась пленительной и дурманящей, точно мираж.

Наваждение становилось всё сильнее. Чэн Цзие негромко возразил:

— Это не вино.

На самом деле никакого сладкого запаха от него не исходило. Просто Юй Сингэ окончательно лишился трезвости ума.

Впрочем, сам «пострадавший» никакой пьяной слабости за собой не признавал. Он вальяжно оперся локтем о перила, пропуская мимо ушей весь тот балаган, что устроил в банкетном зале Чарльз.

Чэн Цзие всё никак не мог выбросить из головы двусмысленность чужих прикосновений. Постаравшись вернуть беседу в более безопасное русло, он спросил:

— Так почему ты вдруг заговорил о распаде группы?

Юй Сингэ тихо вздохнул:

— Потому что если мы распадёмся, мне будет очень тяжело расставаться с ребятами.

Но истинная причина крылась глубже. Не отводя взгляда, он отчетливо, почти трезво добавил:

— Особенно с тобой, гэ.

От этих слов внутри у Чэн Цзие что-то сладко затрепетало. Он невольно улыбнулся:

— Неужели я настолько важен для тебя?

Ему безумно хотелось услышать подтверждение — ведь сам Сингэ уже давно стал для него самым дорогим человеком на свете.

Кудрявый юноша кивнул, обрубая все сомнения одним словом:

— Важен.

Хмель окончательно лишил Сингэ способности соображать, насколько провокационными и волнующими выходят его ответы. Зато Чэн Цзие уже не мог — да и не пытался — скрыть торжествующей улыбки.

Юй Сингэ нахмурил лоб, силясь сформулировать крутившуюся в голове мысль, и наконец выдал:

— Потому что ты замечательный, гэ.

И речь шла вовсе не о банальной вежливости или доброте. Это было то редкое, исключительное качество личности, которое заставляло тянуться к нему всей душой.

Чэн Цзие опешил. Он внимательно взгляделся в лицо юноши, который, кажется, совершенно не понимал, какую бурю сеет своими словами. Подобные откровения уже давно перешагнули черту простого приятельства.

— Значит, ты считаешь меня отличным другом?

Этот вопрос был рискованным шагом на тонкий лед, но он сорвался с губ поразительно легко и естественно.

Очередной прилив хмельной полудремы окончательно размыл слова вокалиста. Сквозь туман Юй Сингэ расслышал лишь одно-единственное слово: «друг».

Не успели слова Чэн Цзие затихнуть в воздухе, как парень отрицательно покачал головой и замахал руками. При этом его задорные кудряшки смешно качнулись, но у Чэн Цзие в этот миг сердце ухнуло куда-то вниз.

«Да быть не может», — пронеслось в голове. Они ведь преодолели такую дистанцию, пережили столько всего вместе. Это точно нельзя назвать просто знакомством.

Смятение вновь захлестнуло вокалиста. Поддавшись порыву, он тихо, почти шепотом спросил:

— Ты считаешь, что мы не друзья?

В его тоне не было испуга. Напротив, в нем звенело какое-то жадное, томительное предвкушение. Если они не друзья, то кем тогда приходится друг другу? Чэн Цзие затаил

дыхание, ожидая ответа.

Сквозь полуоткрытую дверь доносились весёлые крики и стук карт — Чарльз с хозяином заведения явно весело проводили время. Юй Сингэ на секунду замялся, его рука непроизвольно соскользнула с перил чуть вниз.

Сложно сказать, как именно подействовал хмель на Юй Сингэ, но парень не сделал ни шага назад. Лишь в теплых ореховых глазах на долю секунды отразилось глубокое, нечитаемое волнение.

«Друзья».

Само по себе это слово было наполнено глубоким смыслом. Не будь между ними этой негласной, прячущейся в полутенях химии, они оставались бы образцовыми товарищами. Делили бы на двоих хмельные ночи, транжирили юность, писали песни, спорили о вечном и упрямо шагали по одной дороге. Он ни в коем случае не преуменьшал значимость этого слова. Но ведь у них всё с самого начала складывалось иначе.

Юй Сингэ неосознанно сжал пальцы, легонько побарабанив по металлическому поручню.

Чэн Цзие не упустил эту секундную заминку. Густые сумерки не смогли спрятать эмоции, которые на мгновение яркой вспышкой озарили взгляд кудрявого юноши.

Какая-то сумасшедшая, пьянящая догадка вспыхнула в мыслях вокалиста. Он едва заметно улыбнулся — так мимолетно, что в темноте эту улыбку невозможно было разглядеть:

— Если мы не просто друзья... то кто же мы друг другу?

Он старался говорить спокойно, скрывая рвущееся наружу нетерпение.

Чэн Цзие тоже ухватился за перила, выдавая свое напряжение. Его темные глаза неотрывно следили за малейшим движением лица Юй Сингэ, а нежность, копившаяся в сердце все эти месяцы, теперь грозила хлынуть через край, точно переполненная пиала со сладким сиропом.

Он знал, что вот-вот получит долгожданный ответ. Любой намек, любое движение ресниц станут тому подтверждением.

«Я завоевал его сердце».

Даже с затуманенной алкоголем головой Юй Сингэ не желал отступать ни на шаг. Он, привыкший всегда выходить победителем, вдруг с удивлением обнаружил, что Чэн Цзие умеет наступать мягко, но неумолимо. Малейшая слабость с любой стороны — и инициатива будет

потеряна. Это была изящная психологическая дуэль, игра на выбывание, где верх брал тот, кто нападал решительнее.

Юй Сингэ медленно разжал кулак.

Чэн Цзие ловил каждое движение его ресниц. Юй Сингэ сощурился, в его пьяном взгляде отразилось искреннее недоумение:

— Каких друзей?

Похоже, он просто упустил нить разговора.

«Нет, это жульничество», — с досадой подумал Чэн Цзие.

Кудрявый парень подпёр подбородок ладонью, лениво покачиваясь у перил. Поразмыслив пару секунд, он, кажется, наконец уловил суть и внезапно закинул руку Чэн Цзие на плечо, увлекая его за собой. От его растрепанных волос пахло терпким хмелем.

— Гэ, если ты не против... — вкрадчиво прошептал он, — я готов быть твоим лучшим другом до конца дней.

«Я с радостью отдам тебе это место. Но только при одном условии: ты станешь моим единственным возлюбленным».

До чего же жадно. Ему хотелось забрать себе всё без остатка.

— А я вот не согласен, — Чэн Цзие обладал роскошным, бархатным голосом, который вполголоса звучал чертовски соблазнительно.

— Поздно отказываться. Теперь тебе от меня до конца дней не отделаться.

Юй Сингэ притянул его поближе, откидываясь спиной на поручень. Из него так и сквозила хмельная, бесшабашная удаль, а улыбка сияла искренним весельем.

У Чэн Цзие перехватило дыхание.

— Будет ужасно обидно, если я так и не стану для тебя самым близким человеком, — Юй Сингэ приблизил свое лицо почти вплотную и заговорщически моргнул.

Он уже откровенно растягивал слова, хмель окончательно развязал ему язык. В обычном состоянии он ни за что не стал бы озвучивать столь сентиментальные мысли.

Чэн Цзие заглянул в глубину его зрачков. Пальцы легонько скользнули по мягкой щеке Сингэ. Его голос звучал неторопливо, но в этой мягкости крылся неумолимый натиск хищника:

— Почему же?

Кудрявый юноша завис, словно не понимая сути вопроса или пытаясь раскопать что-то в глубинах затуманенного сознания. Все его движения сделались медленными, сонными.

— Почему... — эхом повторил он и озадаченно мотнул головой, не в силах совладать с собственными мыслями.

Чэн Цзие буравил его взглядом, боясь упустить хотя бы мимолетное движение ресниц или вздох.

Под этим немигающим взглядом Юй Сингэ почувствовал себя неловко. Он медленно опустил руку с чужого плеча. Под воздействием алкоголя его голос сделался тихим и растерянным, обнажая те глубокие чувства, которые он сам еще толком не успел осознать:

— Потому что... я не люблю, когда ты улыбаешься другим.

Чэн Цзие ошеломленно замер. Смутное подозрение, терзавшее его все это время, внезапно превратилось в осязаемую истину. От осознания этого по телу пробежала волна почти детского восторга, смешанного с недоверием.

Понимал ли Юй Сингэ истинное значение собственных слов? Или же эта фраза была завуалированным признанием? Шаг за шагом парень приближался к той самой заветной черте.

Чэн Цзие крепче сжал ладони.

— Ты потрясающий, гэ, — продолжил Юй Сингэ, глядя на него затуманенным взглядом. — С тобой... тепло. Как дома.

В глубине его ореховых глаз бушевала целая буря чувств, дыхание окончательно сбилось.

Наступила оглушительная пауза длиной в вечность. Мир вокруг словно замер: погасли огни, растворились в темноте далекие горы, промчались эпохи, и лишь когда время сделало полный оборот, до слуха вновь донеслось размеренное тиканье часов.

«Так вот оно что. Вот оно как».

Чэн Цзие не выдержал и тихо, торжествующе рассмеялся — груз, давивший на сердце, мгновенно испарился. Его ладонь скользнула ниже, собственническим жестом ложась на теплую шею юноши. Сдерживать рвущееся наружу пламя больше не имело смысла. Голос вокалиста упал до интимного, вибрирующего полупшепота:

— А мне невыносимо видеть, как ты улыбаешься другим.

— И мы всё ещё просто друзья? — кончики его пальцев отчетливо ощущали частые, сильные удары пульса на чужой шее. Вопрос прозвучал вкрадчиво, почти невесомо.

Юй Сингэ твердо кивнул, подтверждая свои слова.

Черноволосый вокалист лукаво прищурился и тихо рассмеялся:

— Ну что ж... В таком случае мне действительно придется остаться в твоей жизни навсегда.

И далеко не на правах обычного друга. Ему нужно было всё или ничего.

Чэн Цзие с нежностью взглянул на юношу, который в силу опьянения вряд ли осознавал масштаб устроенной им катастрофы, и победно улыбнулся.

Разве этот человек не принадлежал ему изначально?

Ещё немного, и он заберет свое.

Воздух был пропитан сладким хмелем.

Юй Сингэ шаловливо улыбнулся и подался навстречу, стирая последние сантиметры между ними; их мягкие пряди волос переплелись.

Сложно сказать, кто из них хмелел сильнее — один от дешевого алкоголя, другой от близости любимого человека. В этом тесном, пахнущем вином объятии их тихий смех уткнулся в чужие плечи, растворяясь в ночной прохладе.

И каждый из них прятал улыбку, которую второму не суждено было увидеть.

<http://bllate.org/book/18241/1765505>